Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования

Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви

Вестник Вологодской духовной семинарии

2023. 1 (3)

Вологодская духовная семинария
Вологодской епархии Русской
Православной Церкви

Вестник Вологодской духовной семинарии

2023 №1 (3)

Вологда
2023

УДК 27-1(051)
ББК 86.37
В38

Главный редактор – митрополит Вологодский и Кирилловский Савва, доктор церковной истории.
Заместитель главного редактора – протоиерей Алексей Алексеевич Ольховников, ректор Вологодской духовной семинарии.
Члены редакционной коллегии: Агафонов Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии; Кирилова Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии; Кудрявцева Ирина Григорьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Вологодской духовной семинарии; Оботурова Наталья Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры библейско-богословских дисциплин Вологодской духовной семинарии; Рюмин Роман Владимирович, кандидат филологических наук, проректор по развитию Вологодской духовной семинарии; Спасенкова Ирина Валентиновна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры церковно-исторических дисциплин Вологодской духовной семинарии.
Ответственный секретарь редакционной коллегии – Красиков Алексей Николаевич, проректор по научно-методической работе Вологодской духовной семинарии

Интернет-страница
Вестника Вологодской духовной семинарии
http://vologda-seminaria.ru/vestnik/

Содержание

Денискин Артемий, иерей. Социальная деятельность попечительств и братств Вологодской епархии в сер. XIX – нач. XX в. 5

Сартаков А.В., чтец. Одесский период жизни Н.Ф.Красносельцева: опыт биографической реконструкции 23

Иеромонах Ферапонт (Широков П.Ф.). Преподаватели Вологодской семинарии середины XIX века в отчетах ревизоров Учебного комитета 39

Загуменнов А.В. Очерк семиосферы пустозерских узников: вводные замечания 52

Денискин Артемий, иерей
Вологодская духовная семинария

Социальная деятельность попечительств и братств Вологодской епархии в сер. XIX – нач. XX в.

Аннотация

Церковь является уникальным институтом в истории человеческого общества. Основное отличие Её отличие от прочих организованных религиозных систем состоит в антропоцентрическом характере деятельности. Ценность подобного явления заключается в прагматичности – способности применять те принципы и результаты социальной работы, которые имели место в историческом разрезе. В подобном отношении представляется ценным оценка результатов церковного благотворительного служения в историческом контексте. В свою очередь, одним из критериев точности полученных результатов служит локальность, поскольку достоверность тех или иных исторических событий проистекает из наличия доступности подробного рассмотрения тех или иных реалий в период особых социальных трансформаций в пределах той или иной административной единицы. В настоящей статье, таким образом, делается попытка

подробного анализа социальной деятельности на территории Вологодской епархии в сер. XIX – нач. XX в. на примере организации попечительств и братств.

Ключевые слова: социальное служение, попечительства, братства, диаконис, Вологодская епархия.

Social service of the trusteeships and fraternities in the Vologda Diocese: mid 19th and early 20th centuries

Annotation

The Church is a unique institution in the history of human society. Its main difference from other organized religious systems is the anthropocentric nature of its activities. The value of such a phenomenon lies in pragmatism – the ability to apply the principles and results of social work that took place in the historical context. In this regard, it is valuable to evaluate the results of church charitable service in a historical context. In turn, one of the criteria for the accuracy of the results obtained is locality, since the reliability of certain historical events stems from the availability of detailed consideration of certain realities during a period of special social transformations within a particular administrative unit. In this article, therefore, an attempt is made to analyze in detail the social

activities on the territory of the Vologda Diocese in the ser. XIX – beginning XX century. on the example of the organization of guardianship and fraternity.

Key words: social service, guardianship, fraternity, deaconess, Vologda diocese.

В данной статье производится анализ социальной деятельности Православной Церкви на примере Вологодской епархии в сер. XIX – нач. XX в.

Социальное служение Церкви или диакония никогда не производится, если можно так выразиться, в отрыве от участия народа в этом деле. То есть не только клирики, но и миряне вовлекаются в общее дело помощи. Социальная деятельность, прежде всего, предполагает снабжение необходимыми ресурсами нуждающихся, у которых существует дефицит тех или иных необходимых благ.

Основной формой социальной помощи, в том числе и в Вологодской епархии в рассматриваемый период времени, были сборы денежных средств, которые затем направлялись в пользу голодающих, погорельцев, больных, сирот, инвалидов и вдов. Техника сборов была различной: кружечные, тарелочные, по подписным листам. Кружки представляли собой ящики или какие-либо ёмкости, на которых

указывалось назначение собранной суммы (например, «на содержание причта», «на ремонт храма», «на бедных» и т.п.), и куда прихожане опускали пожертвования. Несколько раз в году, согласно специальным распоряжениям Св.Синода и Духовной консистории проводились одноразовые сборы для насущных целей, таких как для поддержания учебных заведений, филантропических организаций, под патронатом которых находись инвалиды, сироты и прочие нуждающиеся в социальной помощи слои населения, различных патриотических объединений (Славянское общество, Георгиевский и Скобелевский комитеты и др.). Пожертвование по подписным листам производилось, как правило, два раза в год – в праздники Рождества Христова и Св.Пасхи. Все собранные средства направлялись в пользу бедняков и воспитанников учебных заведений округи.

Помимо сбора денежных средств производились сборы продовольствия, тёплых вещей, строительных материалов и прочих потребных для соответствующих случаев ресурсов. Однако, в большинстве случаев, собирались именно денежные средства при помощи постоянных ящиков и кружек для пожертвований. Собранные деньги направлялись не только в пользу бедноты, но и

расходовались на текущие моменты жизни прихода – ремонт, строительство, содержание причта и церковно-приходской школы.

Однако, не всегда суммы сборов были значительны. Происходило дано явление не в силу низкого уровня духовно-нравственной культуры населения, а скорее по причине низких доходов. Так, например, на Крестопоклонной неделе Великого поста, с 16 по 23 марта 1913 г., когда каждый христианин, стремящийся к ведению благочестивого образа жизни, несмотря на проблему дефицита собственных средств, пытался внести свой вклад в дело благотворительности, суммы пожертвований в большинстве приходов Вологодской и Усть-Сысольского уездов были более чем небольшими - зачастую не превышали 50 коп., при том, что в среднем по уезду с храма жертвовалось от 1 до 5 руб. Чаще всего результатом сбора были цифры от 20 до 25 коп[1]. Однако, фиксировалось и полное отсутствие денег во время сборов, что наблюдалось, например, в приходе Васильевской Тошнинской церкви Вологодского уезда, где не смогли

[1] Государственный архив Вологодской области, Ф.496 оп. 1 д.№19396 - с. 80.

собрать сумму для содержания и лечения больных детей[2].

Помощь, как правило, имела не индивидуальный адресный характер. Собранные пожертвования направлялись в различные социальные учреждения: богадельни, дома общественного призрения, попечительства и братства, функционировавшие при приходах и монастырях, а также больницы и лазареты, учебные заведения.

Если рассматривать попечительства, то можно обнаружить, что их деятельность была не такой однозначно продуктивной, какой можно бы было её представить. Но для начала следует пояснить, что такое попечительства и как они функционировали. Попечительства – это социальные церковные учреждения общественного призрения, которые «имеют целью заботиться о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, об устройстве первоначального обучения детей и о благотворительности в пределах прихода»[3]. Как правило они учреждались при приходах и монастырях, однако были и частные

---

[2] Статистический сборник изданный Вологодским губернским статистическим комитетом. Вологда. – 1883 г. – Т.3, 27 с.

[3] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Попечительства приходские // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/99139 (Дата обращения: 27.10.2022).

предприятия, спонсируемые меценатами и, непосредственно, государством. Попечительства, если перевести данный термин на современный понятный язык, является своего рода эквивалентом благотворительного фонда. Такие организации стали появляться после появления высочайшего положения о них в 1864 г. Основными задачами таких организаций было снабжение денежными средствами и необходимыми предметами и продовольствием различных учреждений, непосредственно работавших с населением: больниц, школ, пансионов для инвалидов и вдов, сирот.

Структура такого образования имела следующий вид: председатель (обычно из числа состоятельных мирян, иногда - священник), совет, состоявший из приходских старост, священнослужителей и прихожан. Источниками финансирования служили денежные средства, которые «…образуются из добровольных пожертвований и от сборов в кружки, обносимые во время богослужения в церкви и выставляемые снаружи, а также по сборным книгам вне прихода. Могут быть также назначаемы особые сборы со всех прихожан единовременно. П. может ходатайствовать о пособии и содействии

у духовного ведомства и у казны»[4]. Кроме того, помимо всего прочего, дополнительно, сюда относятся доходы, полученные от аренды помещений, продажи продовольствия и строительных материалов и т.д. Велась необходимая документация – председателем велась приходно-расходная книга. В конце года в адрес Духовной консистории отправлялся отчёт о деятельности организации. На территории Вологодской епархии, по состоянию на 1885 г. действовали 479 церковно-приходских попечительств. Цифра весьма значительная, даже с поправкой на географический фактор.

Актуальной проблемой транзита денежных средств через попечительства был дисбаланс перераспределения денежных сумм. Как правило, чрезмерно немотивированное избыточное внимание уделялось благоукрашению и поддержанию благолепия храмов. Помощь инвалидам, находящимся в зоне социального риска семьям, вдовствующим священнослужителям, была статьёй расходов, на которую уделялось много меньшее внимание, нежели в внешнему устройству приходской жизни. Фиксировались случаи, когда денежные средства вовсе оставались без употребления, как

[4] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Попечительства приходские // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/99139 (Дата обращения: 27.10.2023).

то наблюдалось в отношении к попечительству Устюжской Николаевской церкви (Храм Николы Гостиного на Торгу). Тогда, судя по состоянию организации за 1885 г. из 47 руб. 04 коп., собранных за отчетный период, и в прибавлении к оставшимся от предыдущего года пожертвованиям, данные средства не были введены в употребление ни по какой-либо из вышеперечисленных направлений деятельности[5].

Но, такое положение имело место не во всех попечительствах, поскольку активность членов каждого такого объединения зависела, прежде всего, от направления каждого из таковых. Статистика свидетельствует, существовали обратные ситуации. Так, в том же Великоустюжском уезде, членами попечительства, существовавшего при Луженском Николаевском храме 1 - го округа из суммы 103 руб. 09 коп., более 50% было направлено в адрес церковных школ и прочие формы благотворительности, что составило 55 руб. 30 коп. Другой примечательный случай, когда все собранные деньги – 100 руб. 00 коп., целиком были направлены на дело социального призрения и образования, был зафиксирован по отношению к попечительству Телеговской

[5] Государственный архив Вологодской области, Ф. 496 Оп. 1 Д № 15674 - л. 67.

Троицкой церкви 2 округа вышеназванного уезда[6].

Помимо попечительств, функционировали и другие организации подобного типа, прежде всего братства. Их основное отличие от попечительств заключалось в том, что они занимались непосредственным оказанием помощи, а не аккумулировали денежные средства для их дальнейшего распределения. История церковных братств начинается в XII в., когда в западной части Руси, при монастырях возникают объединения людей, которые целенаправленно занимались обучением грамоте и распространение знаний, помогающих повышать духовно-нравственный культурный уровень. Впоследствии, кроме всего прочего, эти образования служили своего рода землячествами, помогающие отстаивать права православно-церковной диаспоры, которая уже к XVI в. на территориях, примыкавших к Польше была этническим меньшинством, в силу агрессивной униатской экспансии Ватикана[7]. Самыми известными из них были – Львовское Успенское (1439 г.), Киевское (XVII в.), а затем церковное братство при Киевской духовной

---

[6] Государственный архив Вологодской области. Ф.496. Оп. 1. Д № 15674. - С. 30,13,55 и 97.

[7] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Церковные братства» // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/134989 (Дата обращения: 27.10.2023).

академии (1880-1924 гг.), Виленское Троицкое (1458 г.), впоследствии Свято-Духовское.

Первоначально братства располагали значительными ресурсами – землями и прочей недвижимостью. Во главе их стояли избираемые сроком на 1 год 4 братчика в ведении которых находилась общая казна, и надзор за делами братства. Существовала система взносов, штрафов, имели место добровольные пожертвования. Имелся собственный храм или придел.

Данные закрытые группы, как говорилось выше, реализовывали свои интересы, а именно православного населения западных областей Украины и Белоруссии. Впоследствии, начиная с середины XIX в., учреждения такого рода стали активно распространятся по территории всей Российской империи. Причинами тому послужило усиление западно-христианского, прежде всего, римо-католического, влияния и возобновление социальной деятельности Церкви в русле проводимой государственными властями политики общественного призрения. Первые такие братства появились в Чистополе (Кирилло-Мефодиевское братство), в Саратове (при Преображенском монастыре), в Казани (Братство свт. Гурия), в Москве (Братство свт. Петра), Санкт-Петербурге (Братство Пресвятой

Богородицы) и Ярославле (Братство свт. Димитрия Ростовского)[8].

В Вологодской епархии, были учреждены следующие братства: во имя Всемилостивого Спаса (1885 г.), Вологодское градское Иоанно-Предтечиевское при храме св. Иоанна Предтечи в Рощенье (1894 г.), Деревянское Христорождественское (1895 г.), находившееся в Усть-Сысольском уезде, Вологодское Благовещенское (1896 г.), Грязовецкое Христорождественское, а также Александро-Невское братство при Никольском духовном училище. В Великом Устюге, в 1896 г. было образовано Стефано-Прокопиевское братство. Его спецификой была миссионерская направленность. Возглавлял братство викарный великоустюжский архиерей. В его ведение вошли Усть-Сысольское и Яренское отделения Вологодского братства во имя Всемилостивого Спаса. Деятельность указанного учреждения распространялась на 5 уездов, находящихся на северо-востоке Великоустюгского викариатства. Названное прежде Стефано-Прокопиевское братство было крупнейшим по численности его членов за всю историю своего существования с

[8] Там же.

1896 по 1916 гг. в него входили от 268 до 554 чел[9].

Деятельность братств имела исключительно важное значение, поскольку, в отличие от попечительств, они распространяли просвещение. То есть, занимались больше не хозяйственно-социальной деятельностью, а непосредственной работой с людьми. К означенной деятельности относятся: проведение внебогослужебных бесед, чтений духовно-нравственного содержания, организация общественных мероприятий (концертов, встреч, выставок и экспозиций). А кроме того – создание древлехранилищ (церковных музеев, на базе которых в последующие годы будут основываться светские учреждения подобного типа), повышение общего культурного уровня посредством увеличения количества библиотек при школах и приходах.

Однако, основной фокус внимания братств, в деле просвещения был нацелен на церковно-приходские школы. Оказывалась поддержка как финансовая, так и материальная, в том числе и кадровым ресурсом. К примеру, на содержании Великоустюжского Стефано-Прокопиевского братства в 1915 г. находилось 60 церковных школ. Сюда входило

[9] Носова Т.А. Православные братства Вологодской епархии в конце XIX - начале XX века. Сыктывкар: 2006, - с.14.

обслуживание педагогической библиотеки, предоставление заработной платы учительскому коллективу, содержание общежитий и ночлежных домов, а также назначение выплат учащимся, находящимся в трудной жизненной ситуации, пособий для оплаты проживания на частных квартирах. Вдобавок – расширение народной библиотечной сети. Совершенно закономерно, что при наличии большого количества расходных статей, братство испытывало значительные финансовые затруднения. По этому случаю, в 1897 г. последовало обращение благочинным Усть-Сысольского и Яренского уездов с просьбой о поиске и предоставлении средств «на учреждение стипендий при второклассной школе для беднейших учеников»[10].

Ещё одной функцией братств было осуществление миссионерской деятельности среди малых коренных народов. В Вологодской епархии таковыми являлись коми-зыряне и вепсы. Просвещённые выдающимся проповедником, апостолом зырян, свт. Стефаном, еп. Великопермским (+1396 г.), коренным устюжанином, чьё имя непременно следует упомянуть в связи не только с миссионерским аспектом социальной

[10] Носова Т.А. Православные братства Вологодской епархии в конце XIX - начале XX века. Сыктывкар: 2006, - с.16.

деятельности Церкви, но и с историей края. Им был создан литературный коми-язык, в основе которого были использованы зырянские денежные знаки или пасы, которые вырезали на тонких четырехугольных палочках[11]. Свт. Стефан инициировал перевод на новый язык Св.Писания, некоторых Миней, Служебника, а также некоторых др. церковных и богослужебных книг. Таким образом, он положил начало христианизации многочисленного народа.

Процесс миссионерства среди зырян был необходимо продолжать, поскольку этот народ составлял автохтонное население Яренского уезда. С этой целью, уже упоминавшимся Стефано-Прокопиевским братством предпринимались следующие шаги. Прежде всего, велась активная просветительская работа по изучению православного вероучения, нравственного богословия. Во-вторых, братством издавалась религиозно-нравственная литература, переведённая на коми язык. Так за период 1898-1904 гг. было подготовлено к изданию восемь житий святых (на русском и коми языках), среди которых «Житие Стефана Пермского» и «Житие Прокопия Праведного», а

[11] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Стефан Пермский» // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/117442 (Дата обращения: 27.10.2023).

крове того, перевод «Молитвослова» и четырёх номеров периодического издания «Троицкие Листки»[12].

Следует отметить, что при всей направленности в деле просвещения, проявлялась и новая, для подобной активности, тенденция – большее в сравнении с предыдущими годами внимание к женскому образованию и социализации. Например, на средства Благовещенского братства г. Вологды на протяжении 20 лет содержалась Братская церковно-приходская школа для девочек, которой ежегодно обучалось по 28 - 50 человек. Для этого, предоставлялись учебные помещения, а также квартира для учительницы в принадлежащем братству доме. Производилась оплата отопления, работы прислуги, приобретались книги и учебные пособия, предметы индивидуального пользования. Для нуждающихся учениц производилась закупка одежды и обуви[13].

Таким образом, оканчивая исторический обзор основных направлений социальной деятельности, производимых Церковью в пределах Вологодской епархии на рубеже XIX –

---

[12] Прибавление к Вологодским Епархиальным ведомостям. Вологда: 1916, №2. - с. 408-413.

[13] Вологодские Епархиальные Ведомости. Вологда: I899, № II - с. 199.

XX вв. следует с определённой точностью констатировать следующие факты церковной жизни тех лет. Прежде всего, это стремление к поддержанию благочинного порядка посредством активной духовно-нравственной и культурно-просветительской работы среди населения через организацию определённого рода досуга и распространение библиотечной сети, внебогослужебного взаимодействия пастыря и паствы: беседы, чтения, концерты духовной музыки (актуально для городов). Повышенным вниманием к делу образования. Другим важнейшим направлением было восполнение дефицита социальных потребностей и обеспечение приемлемого известного качества жизни: финансовая и материальная помощь погорельцам, вдовам и сиротам, лицам, находящимся за чертой бедности. Указанные запросы возникали в связи с обстоятельствами времени, а также по причине влияния территориального фактора.

Список источников и литературы

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Попечительства приходские // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/99139 (Дата обращения: 27.10.2023).

2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Стефан Пермский» // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/117442 (Дата обращения: 27.10.2023).

3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Статья «Церковные братства» // URL: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/134989 (Дата обращения: 27.10.2023).

4. Вологодские Епархиальные Ведомости. Вологда: I899, № II

5. Государственный архив Вологодской области, Ф. 496 Оп. 1 Д № 15674

6. Государственный архив Вологодской области, Ф.496 оп. 1 д.№19396

7. Носова Т.А. Православные братства Вологодской епархии в конце XIX - начале XX века. Сыктывкар: 2006

8. Прибавление к Вологодским Епархиальным ведомостям. Вологда: 1916, №2

9. Статистический сборник изданный Вологодским губернским статистическим комитетом. Вологда. – 1883 г. – Т.3

Сартаков А. В., чтец
Вологодская духовная семинария

Одесский период жизни Н. Ф. Красносельцева: опыт биографической реконструкции

Аннотация

В статье реконструирована жизнь и научно-педагогическая деятельность профессора Императорского Новороссийского университета Николая Фомича Красносельцева (1845–1898) в годы его жизни в Одессе. Ученый, после продолжительного периода преподавания в Казанской духовной академии, в 1889 г. переходит в Новороссийский Императорский университет, где продолжает трудиться вплоть до своей кончины в 1898 г. Одесский период жизни ученого достаточно мало изучен, но именно здесь научная деятельность ученого достигла своей высшей точки. На основании ряда биографических реконструкций, основанных на архивных материалах, автор статьи приходит к выводу о жизни, круге общения и деятельности исследователя в последнее десятилетие его жизни.

Ключевые слова: духовное образование, высшая духовная школа, Казанская духовная

академия, Новороссийский Императорский университет, академическая мобильность профессоров высшей школы XIX столетия, литургика, Н. Ф. Красносельцев.

The Odessa period of N. F. Krasnoseltsev's life: the experience of biographical reconstruction

Annotation

The article reconstructs the life and scientific and pedagogical activity of N. Krasnoseltsev, professor of the Imperial Novorossiysk University (1845-1898) during his life in Odessa. The scientist, after a long period of teaching at the Kazan Theological Academy in 1889, transferred to the Novorossiysk Imperial University, where he continued to work until his death in 1898. The Odessa period of the scientist's life has been little studied, but it was here that the scientist's scientific activity reached its highest point. Based on a number of biographical reconstructions based on archival materials, the author of the article comes to a conclusion about the life, social circle and activities of the researcher in the last decade of his life.

Key words: theological education, Higher Theological School, Kazan Theological Academy, Novorossiysk Imperial University, academic mobility of professors of the higher school of the XIX century, liturgics, N. Krasnoseltsev.

Историю высшего духовного и светского образования Российской Империи середины XIX столетия можно изучать и при помощи просопографического подхода: процесс формирования научной школы или даже институции отражает корреляцию исторической личности и условий, в которых производится такое формирование. Именно благодаря такому подходу возможно проанализировать не просто сухие факты, связанные с деятельностью учебных заведений, но и увидеть за этим реальных людей, трудами которых воспитывались будущие поколения в т. ч. и священнослужителей, а также выкристаллизовывалась отечественная богословская наука.

Одним из таких людей, труды которых не потеряли своей научной актуальности и в наше время, является отечественный литургист и церковный археолог – профессор Казанской духовной академии и Императорского Новороссийского университета Н. Ф. Красносельцев (1845–1898). Не вдаваясь в детали казанского периода биографии ученого, попытаемся реконструировать его одесский период жизни.

Известно, что в 1889 г. Н. Ф. Красносельцев переходит из Казанской

духовной академии в Новороссийский Императорский университет на кафедру церковной истории[1]. Причин такого перехода несколько: выгодное географическое положение Одессы в свете экспедиционной деятельности ученого, широкие возможности «академической мобильности»[2] профессорско-преподавательского состава Российских университетов того времени и историческое направление научных интересов автора[3]. Но, более глубокие причины переезда ученого в другой город, как об этом позволяет судить его архивное эпистолярное наследие, кроются в сильнейшем внутреннем конфликте в семье исследователя.

Совокупность этих факторов будет иметь решающее значение в вопросе переезда в Одессу

---

[1] [Императорский Новороссийский университет] // Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1889/90 учебный год. СПб., 1889. С. 385. Императорский Новороссийский университет // Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1890 год. Часть I и II (Исправлен по 20 февраля 1890 года). СПб., 1890. Стб. 446.

[2] *Андреев А. Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской Империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93.

[3] А. И. Алмазов, характеризуя область научных интересов Николая Фомича говорит, что он был «Историк по природе…». *Алмазов А. И.* Профессор Николай Фомич Красносельцев, его жизнь и учено-литературная деятельность // Поминка по Н. Ф. Красносельцеве. Одесса, 1899. С. 16.

и определения на службу в Новороссийский Императорский университет. Благодаря более удачному географическому положению этого города и наличию выхода в море, он с легкостью мог выезжать на православный Восток. С переходом ученого в Одессу, количество поездок увеличилось. Проанализировав избранные места взаимной переписки Николая Фомича со своими корреспондентами, а также некоторые взаимные письма их ученых коллег – схимонаха Матфея (Ольшанского)[4], И. В. Помяловского[5], И. С. Бердникова, А. А. Дмитриевского[6] и других, нам удалось установить, что Н. Ф. Красносельцев совершил 8 заграничных поездок с научными целями. Результаты практически каждой экспедиции нашли отражение в его научных трудах[7]. Вопросам экспедиционной деятельности

---

[4] *Красносельцев Н. Ф.* Переписка с монахом Матфеем (Ольшанским) // Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. Святая Гора Афон, 2015. (Сер. «Русский Афон XIX-XX вв.»; кн. 11). С. 267–320.

[5] *Красносельцев Н. Ф.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Д. 892.

[6] *Красносельцев Н. Ф.* Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 491.

[7] Отметим, что научные труды ученого одесского периода отражают важный для своего времени историко-генетический подход. Подробнее см.: Перечень учено-литературных трудов Н. Ф. Красносельцева // Поминка по Н. Ф. Красносельцеве. 1899. С. 106–111.

ученого в переписке уделено особое место. Это объясняется, в первую очередь тем, что сам Н. Ф. Красносельцев, по своей природе очень любящий научные путешествия, достаточно часто делился с корреспондентами наработками и находками на местах своего пребывания.

16 марта 1889 г. Николай Фомич был утвержден в должности экстраординарного профессора Новороссийского университета и летом этого же года переезжает в Одессу на постоянное место жительства. Реконструируя событиях того времени, отметим, что кафедра церковной истории в Новороссийском университете была вакантна по причине перехода на другую кафедру – богословия протоиерея В. М. Войтковского[8].

После переезда ученого в Одессу, по-видимому, жизнь Н. Ф. Красносельцева постепенно начинала приобретать более размеренный ритм. Но в силу обстоятельств, информации относительно одесского периода жизни ученого не так много: все имеющиеся источники, содержащие данные, сводятся к письмам или воспоминаниям ученых. Информацию относительно того, что ученый,

---

[8] *Бахчиванжи Г. П.* Представники духовної освіти в структурі Новоросійського університету // Вісник ОНУ. Сер.: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2014. Т. 19. Вып. 2. С. 56. *Діанова Н. М.* Православ'я в Новоросійському університеті // Інтелігенція і влада. 2012. № 27. С. 30–38.

несмотря на подорванное здоровье, принимал активное участие в жизни университета, мы находим в воспоминаниях коллеги ученого профессора историко-филологического факультета Г. И. Перетятковича: «Когда Николай Фомич вошел в нашу среду, когда ему было уже за 40 лет, – время, когда индивидуальные черты в характере человека уже вполне сложились и окрепли, … они обыкновенно трудно поддаются налаживанию в обществе… Когда Николай Фомич поступил в Новороссийский Университет и стал нашим товарищем, то, по истечению некоторого времени, многие были обрадованы, встретив в его лице прежде всего доброго и незлобивого человека. Затем оказалось, что новый наш товарищ – человек с широким общественным миросозерцанием, которое он искренно высказывал, как в тесных собраниях нашего факультета, так и в университетском совете… Кроме того…, он, серьезно недомогающий и физически слабый, хотя и с большим трудом, но появлялся в наших собраниях и твердо стоял за то, что почитал своим долгом… делал это покойный товарищ потому, что любил науку и

дорожил распространением знаний в среде своих слушателей»[9].

Такие спорадические свидетельства о жизни и деятельности Н. Ф. Красносельцева в Одессе дополняются косвенными указаниями на взаимоотношения[10] с ректором Новороссийского

---

[9] *Перетяткович Г.* Воспоминания о Н. Ф. Красносельцеве, как о товарище по университетской службе в Одессе // Поминка по Н. Ф. Красносельцеве. Одесса, 1899. С. 50–51.

[10] Отметим, что не все источники представляют ректора университета И. С. Некрасова в таком положительном ключе. Так, в частности, на напряженность отношений между деканом историко-филологического факультета В. К. Надлером и И. С. Некрасовым указывают и письма Надлера И. В. Помяловскому. Так, ряд писем 1892 г. посвящен вопросу их взаимоотношений. «Г-н Некрасов относился ко мне с самого начала крайне враждебно, клеветал на меня везде, где мог и распускал на мой счет самые неблаговидные слухи. До сих пор все его сплетни касались, по преимуществу, моей частной и семейной жизни, и я мог относиться к ним с достодолжным презрением, но в последнее время дело приняло иной оборот. Г-ну Некрасову представлена была, помимо моей воли, возможность набросить тень на мой характер как ученого и профессора, и он поспешил воспользоваться этой возможностью… Он старался выставить меня человеком продажным и торгующимся своими убеждениями». В другом месте читаем, что «Некрасов… распорядился прекратить мне выдачу содержания».

После 1893 г. в отношениях коллег произошли определенные изменения: «Г. Некрасов теперь совершенно изменил свою тактику по отношению ко мне; его любезность и предупредительность теперь не знаю предела», а письмо от 22 августа 1893 г. и вовсе сообщает нам о том, что «Некрасов, отправляясь в Петербург, сдал мне должность ректора, чем немало удивил всю Университетскую корпорацию» (*Надлер В. К.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ Ф. 608. Оп 1. Ед. хр. 1038. Лл. 68–71 об., 86 об., 90, 99 об.).

Кроме того, благодаря архивным материалам, удалось найти описание кончины ученого. Так, в одном из писем А. Н. Деревицкого, адресованном И. В. Помяловскому мы читаем: «В

университета И. С. Некрасовым[11]. Отметим, что Иван Степанович находился на должности ректора Университета в период с 1890 по 1895 г. – времени становления Н. Ф. Красносельцева

день смерти, 31-го марта, он чувствовал себя довольно бодро, хотя и провел бессонную ночь… оделся с помощью В. А. Яковлева, был вынесен в качалке на улицу и посажен в карету… Когда карета двинулась, больной пожал руку Яковлеву и сказал: “Однако, я все-таки еду”. Это были его последние слова. С ним сделался новый припадок удушья, перешедший в смертельную агонию, которая окончилась минут 10 спустя, как В. Карлович был доставлен на пароход» (*Деревицкий А. Н.* Письма И. В. Помяловскому// ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 743. Л. 84.)

Рассматриваемые нами источники также позволяют пролить свет и на похороны В. К. Надлера. Так, об этом Н. Ф. Красносельцев сообщает И. С. Бердникову: «На днях, а именно 2-го числа, хоронили мы Надлера, который внезапно скончался на пароходе, собравшись наконец ехать в Крым. Не обошлось без прискорбных инцидентов, вытекавших из вражды Надлера и Некрасова. При выносе тела из квартиры, жена Надлера позволила себе дерзкую выходку по отношению к Некрасову, требуя через Ярошенко, чтобы он удалился от гроба, а после отпевания в церкви, когда ректор и профессор подошли ко гробу, чтобы вынести его на своих руках, младшая дочь Надлера бросилась к Некрасову с криком “не тронь этого гроба”» (*Надлер В. К.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ Ф. 608. Оп 1. Ед. хр. 1038. Л. 68–71 об., 86 об, 90, 99 об. В своем письме к И. В. Помяловскому А. Н. Деревицкий также говорит о определенном конфликте: «Об одесских несогласиях между ректором и В. К. Надлером кое-что дошло до меня через десятые руки, но явного представления об этом деле я не имею» и о дальнейшем его преодолении. *Деревицкий А. Н.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 743. Л. 41, 69 об.)

[11]Професори Одеського (Новоросійського) університету: біогр. словник: у 4 т. / Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, Наук. б-ка; відп. ред. В. А. Сминтина; заступ. відп. ред. М. О. Подрезова; упоряд.: В. П. Пружина, В. В. Самодурова. 2-е вид., доп. Одесса, 2005. Т. 3 С. 36–38.

как профессора университета. В письме И. С. Бердникову от 26 ноября 1895 г. ученый отмечает, что кончина И. С. Некрасова явилась «большой потерей» как для самого ученого, так и для А. И. Алмазова, который также в это время являлся профессором университета[12].

Н. Ф. Красносельцев во время своего служения в Одессе читал следующие курсы: «История христианской Церкви», «Обзор и критика источников древней церковной истории», «Обзор ересей и расколов Русской Церкви»[13]. Кроме того, исследователи отмечают, что Красносельцеву принадлежит разработка нескольких дополнительных курсов: «История Христианской Церкви, начиная с IX века», «Историография и история церковной литературы», «История восточного православного монашества», «Обзор источников церковной истории», «История христианского искусства до эпохи иконоборчества»[14].

В эпистолярном наследии профессоров университета также можно найти ряд воспоминаний о Николае Фомиче. Так, в письмах имеются сведения об участии ученого в

---

[12] *Красносельцев Н. Ф.* Письма И. С. Бердникову // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101, 1103. Л. 287 об.

[13] *Бахчиванжи Г. П.* Представники духовної освіти… С. 56.

[14] Професори Одеського (Новоросійського) університету... С. 149.

университетских диспутах[15], в заседаниях Историко-филологического общества при Новороссийском университете, где ученый принимал участие в редакции программ[16], а также реакцию коллег на его кончину[17].

1897 год для Николая Фомича становится критическим в отношении здоровья, которое и без того было подорвано. Непрестанные болезни минимизируют его научную деятельность, по причине чего он не может заниматься интересующими его предметами в полном объеме. Его сковывают мигрени, болезни ног, и именно поэтому лекции для своих студентов Николай Фомич вынужден читать в своей квартире[18].

Многие очевидцы последних месяцев жизни Николая Фомича отмечают серьезные обострения его заболеваний. Для того, чтобы немного восстановить свои силы, по совету докторов, он летом 1898 г. предпринимает поездку на Кавказские Минеральные воды, где

---

[15] Об участии Н. Ф. Красносельцева на магистерском диспуте А. А. Павловского см.: *Павловский А. А.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 1098. Л. 36 об.–37.

[16] *Некрасов И. С.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1050. Л. 4 об.

[17] Об участии Н. Ф. Красносельцева на магистерском диспуте А. А. Павловского см.: *Павловский А. А.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 1098. Л. 36 об.

[18] Там же.

проводит несколько недель[19]. Здесь он преследует исключительно лечебные цели – «скучное и разорительное путешествие»[20]. Он посещает Пятигорск и Кисловодск, где его осматривал «синклит врачей». Но, к огорчению Николая Фомича, погода на Кавказе в этот год была неудачной: «Встретил здесь – пишет он И. С. Бердникову – настоящую осень: холод (10° R в полдень), грязь, дождь и неизвестно, когда все это кончится. Если так продолжится на большой срок, то не много пользы отсюда унесешь»[21]. Содержание письма свидетельствует о том, что данная поездка, возможно, и принеся некоторое облегчение болезней ученого, уже не могла существенно изменить состояние его здоровья. Жизнь ученого прервалась трагическим образом во время очередной научной экспедиции осенью 1898 г. в г. Константинополь. Отправляясь из Одессы, ученый не предполагал о том, что его здоровье находится в критическом состоянии.

Архивные материалы отчасти помогают реконструировать и дальнейшую судьбу церковно-исторической кафедры университета.

---

[19] О Кисловодском лечении Николая Фомича см.: *Красносельцев Н. Ф.* Письма И. С. Бердникову // ГАРТ. Ф. 10. Д. 1103. Л. 26–26 об.

[20] *Красносельцев Н. Ф.* Письма И. С. Бердникову // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101. Л. 329 об.

[21] *Красносельцев Н. Ф.* Письма И. С. Бердникову // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1103. Л. 29–30.

В одном из писем, адресованных И. В. Помяловскому, мы находим информацию, что на замещение вакантной после смерти ученого кафедры поступило четыре прошения: «от приват-доцента Московского университета А. П. Доброклонского, от проф. Киевской духовной академии В. З. Завитневича, от преподавателя Кишиневской семинарии С. Д. Маргаритова, и приват доцента Киевской Академии Н. Ф. Мухина»[22]. После смерти ученого его кафедру занял А. П. Доброклонский[23].

Таким образом, проведя некоторый анализ ряда опубликованных и архивных источников, можно составить определенную картину по одесскому периоду жизни ученого. В первую очередь отметим, что данная реконструкция, по понятным причинам, не претендует на историческую полноту, вполне возможно с открытием других данных социокультурный портрет, равно как и научная биография ученого

---

[22] *Некрасов И. С.* Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1050. Л. 4 об. Ср.: «Теперь на место Н. Ф. уже имеется 3 кандидата – Миролюбов (препод. Кишиневской семинарии), Доброклонский – прив.-доц. Московского университета и, кажется, из Киева Завитневич. Предполагается, что должен попасть – второй». *Алмазов А. И.* Письма И. С. Берникову от 15 сентября 1898 г. // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1103. Л. 47 об.– 48.

[23] Історико-філологічний факультет. Одеський Національний Університет Імені І. І. Мечникова: Історія та сучасність (1865–2015). Одеса, 2015. С. 144.

сможет конкретизироваться. Как удалось увидеть, причин перехода ученого из Казани в Одессу несколько, наиболее значимые из них – возможности академической мобильности Российских университетов в рассматриваемый период и удачное географическое положение Одессы в свете экспедиционной деятельности ученого. Относительно перехода Н. Ф. Красносельцева в Новороссийский Императорский университет и служения в нем, сохранился ряд воспоминаний, характеризующих его как педагога с положительной стороны. Увеличение экспедиционной активности и как следствие этого, появление наиболее важных и ключевых исследований по литургике у исследователя в рассматриваемый период также свидетельствует о том, что переезд в Одессу положительно сказался и на научно-исследовательской деятельности ученого.

Список источников и литературы

1. [Императорский Новороссийский университет] // Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1889/90 учебный год. СПб., 1889.

2. Алмазов А. И. Письма И. С. Берникову от 15 сентября 1898 г. // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1103.
3. Алмазов А. И. Профессор Николай Фомич Красносельцев, его жизнь и учено-литературная деятельность // Поминка по Н. Ф. Красносельцеве. Одесса, 1899. С. 1–48.
4. Андреев А. Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской Империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93.
5. Бахчиванжи Г. П. Представники духовної освіти в структурі Новоросійського університету // Вісник ОНУ. Сер.: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2014. Т. 19. Вып. 2. С. 51–67.
6. Діанова Н. М. Православ'я в Новоросійському університеті // Інтелігенція і влада. 2012. № 27. С. 30–38.
7. Деревицкий А. Н. Письма И. В. Помяловскому// ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Ед. хр. 743.
8. Императорский Новороссийский университет // Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1890 год. Часть I и II (Исправлен по 20 февраля 1890 года). СПб., 1890. Стб. 446.

9. Історико-філологічний факультет. Одеський Національний Університет Імені І. І. Мечникова: Історія та сучасність (1865–2015). Одеса, 2015.
10. Красносельцев Н. Ф. Переписка с монахом Матфеем (Ольшанским) // Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. Святая Гора Афон, 2015. (Сер. «Русский Афон XIX-XX вв.»; кн. 11). С. 267–320.
11. Красносельцев Н. Ф. Письма А. А. Дмитриевскому // ОР РНБ. Ф. 253. Д. 491.
12. Красносельцев Н. Ф. Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Д. 892.
13. Красносельцев Н. Ф. Письма И. С. Бердникову // ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1101, 1103.
14. Надлер В. К. Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ Ф. 608. Оп 1. Д. 1038.
15. Некрасов И. С. Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1050.
16. Павловский А. А. Письма И. В. Помяловскому // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1098.
17. Перетяткович Г. Воспоминания о Н. Ф. Красносельцеве, как о товарище по университетской службе в Одессе // Поминка по Н. Ф. Красносельцеве. Одесса, 1899. С. 49–52.

18. Перечень учено-литературных трудов Н. Ф. Красносельцева // Поминка по Н. Ф. Красносельцеве. Одесса, 1899. С. 106–111.
19. Професори Одеського (Новоросійського) університету: біогр. словник: у 4 т. / Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, Наук. б-ка; відп. ред. В. А. Сминтина; заступ. відп. ред. М. О. Подрезова; упоряд.: В. П. Пружина, В. В. Самодурова. 2-е вид., доп. Одесса, 2005.

Иеромонах Ферапонт (Широков П.Ф.)
Кандидат богословия
Вологодская духовная семинария

Преподаватели Вологодской семинарии середины XIX века в отчетах ревизоров Учебного комитета

Аннотация

В статье рассматриваются материалы ревизий Вологодской духовной семинарии во второй половине XIX века на предмет выявления сведений о преподавательском составе духовной школы. В отчетах ревизоры традиционно представляли достаточно подробную характеристику педагогической корпорации, оценивая как положительные, так и отрицательные стороны преподавательской

деятельности каждого из наставников. В статье представлены сведения как о хорошо известных преподавателях Вологодской семинарии – Н. И. Суворове, И. Н. Суворове, А. Н. Хергозерском, так и о личностях, биография и педагогические заслуги которых малоизвестны. В качестве основного источника использованы материалы ревизий духовно-учебных заведений, находящиеся в фонде Учебного комитета Российского государственного исторического архива (РГИА), а также документы из Государственного архива Вологодской области (ГАВО) и материалы периодической печати. В результате исследования удалось выявить важные аспекты характеристик отдельных преподавателей Вологодской духовной семинарии, что может иметь большое значение при составлении более подробных сведений об их жизненном пути.

Ключевые слова: Вологодская епархия, Вологодская семинария, Учебный комитет при Святейшем Синоде, ревизии духовно-учебных заведений, преподаватели.

Teachers of the Vologda Seminary in the middle of the 19th century in the Educational Committee auditors' reports

Annotation

The article examines the materials of the revisions held at the Vologda Theological Seminary in the second half of the 19th century in order to reveal the information about the teaching staff of the theological school. In their reports the auditors traditionally presented a fairly detailed description of the pedagogical corporation, assessing both positive and negative sides of each mentor's teaching activities. The article presents the information about well–known teachers of the Vologda Seminary such as N. I. Suvorov, I. N. Suvorov, A. N. Khergozersky, as well as about those personalities whose biography and pedagogical achievements are little known. The main sources are the materials of the audits held in theological educational institutions; these sources are found in the Fund of the Educational Committee of the Russian State Historical Archive (RSHA), as well as the documents from the State Archive of the Vologda Region (SAVR) and the periodical materials. As a result, it became possible to identify important aspects in characteristics of the teachers of the Vologda Theological Seminary, which can be of

great importance when compiling more detailed information about their life paths.

Key words: the Vologda Diocese, the Vologda Seminary, the Educational Committee under the Holy Synod, audits in theological educational institutions, teachers.

1867 год стал значимой вехой в истории духовного образования – помимо коренной реформы духовных школ изменению подверглась и форма центрального управления духовно-учебными заведениями, а также система контроля за ними. Взамен академических ревизий появилась постоянная служба ревизоров Учебного комитета, задача которых заключалась во всестороннем и комплексном анализе положения дел в семинариях и училищах. В начальные годы реформы ревизоры командировались в духовные школы как преобразованные, так и назначенные к преобразованию. Подробные письменные отчеты, которые составляли ревизоры, свидетельствовали о наличии многочисленных проблем на местах. На основании данных отчетов Святейший Синод готовил циркуляры и распоряжения для разъяснения недоумений, а также решения текущих вопросов жизни духовных школ.

Особое место в отчете о ревизии духовно-учебных заведений занимала характеристика преподавательского состава. Ревизоры традиционно оценивали сильные и слабые стороны преподавания каждого из наставников, отмечали их выдающиеся успехи и рекомендовали лучших из них к поощрению. Сведения о преподавателях обычно представлялись достаточно подробно, иногда с описанием любопытных подробностей из биографии. На примере Вологодской духовной семинарии можно сделать вывод, что ревизоры Учебного комитета уделяли большое внимание характеристике преподавателей и их педагогической деятельности.

Среди всех преподавателей Вологодской семинарии в рассматриваемое время особо следует выделить Николая Ивановича Суворова – известного церковного историка-краеведа. Он родился в Никольском уезде Вологодской губернии в семье священника. По окончании Устюжского духовного училища в 1830 году поступил в Вологодскую духовную семинарию, которую окончил в 1836 году. С 1836 по 1840 гг. обучался в Московской духовной академии, по окончании которой Святейшим Синодом возведен в степень кандидата и направлен в Вологодскую семинарию учителем всеобщей истории, греческого языка и русской

гражданской истории. В память войны 1853-1856 гг. получил бронзовую медаль на Владимирской ленте, а в 1860 году вследствие ревизии семинарии академическим правлением Н. И. Суворову была объявлена благодарность «за основательное и искусное преподавание». 13 марта 1861 года был избран в число членов-сотрудников Императорского географического общества. В 1864 году пожалован орденом святой Анны III степени, а в 1869 году второй степени того же ордена[1]. В 1877 году ректор семинарии протоиерей Петр Лосев в представлении на имя епископа Вологодского Феодосия (Шаповаленко) просил преподавателя семинарии Николая Суворова, состоящего на службе с 1841 года, удостоить орденом святого Владимира IV-й степени[2]. Епископ Феодосий обратился к обер-прокурору Синода графу Дмитрию Андреевичу Толстому с ходатайством о награждении Н. И. Суворова: «Суворов… всегда отличался многосторонним знанием своего предмета… и постоянным усердием и ревностию в исполнение своих обязанностей. В виду многолетней и отлично усердной службы учителя Суворова, я входил к Вашему Сиятельству в 1875 году с ходатайством о

---

[1] Николай Иванович Суворов // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1896. № 12. С. 199-200.
[2] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 493. Л. 43.

награждении Суворова чином коллежского Советника, но ответа на это ходатайство не получил…»[3] 5 мая 1877 года письмом на имя епископа Феодосия, обер-прокурор известил о представлении Н. И. Суворова к производству в гражданский чин, по получении которого архиерею полагалось возобновить ходатайство о награждении Н. И. Суворова орденом. Указом Правительствующего Сената от 28 ноября 1877 года произведен в чин коллежского асессора. 22 сентября 1879 года император по докладу Кавалерской Думы Ордена Святого Владимира пожаловал орден IV степени Николаю Суворову и уволенному от службы бывшему учителю семинарии коллежскому асессору Алексею Попову «за тридцатипятилетнюю беспорочную выслугу в классных чинах»[4]. В 1883 году согласно прошению, Н. И. Суворов был освобожден от преподавательской должности в семинарии.

Ревизорами Учебного комитета Николай Суворов был неоднократно отмечен: «Преподаватель Суворов всегда отличался историческими печатными трудами и археологическими исследованиями», – отмечалось в отчете о ревизии. Согласно уставу семинарий, срок службы преподавателя

---

[3] Там же. Л. 44.
[4] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 640. Л. 27 об.

ограничивался периодом в двадцать пять лет. Прослуживший данный срок наставник вновь мог быть избран на эту должность на одно пятилетие «в случае усмотрения особой пользы, приносимой им заведению»[5]. В данном вопросе особую роль также играли ревизоры Учебного комитета, которые могли ходатайствовать о продолжении службы того или иного наставника по истечении данного срока. Так, согласно указу Синода от 5 августа 1869 года за № 2987 было определено по ходатайству ревизора Учебного комитета С. В. Керского и епископа Вологодского Палладия (Раева) оставить за особые достоинства преподавателей семинарии Алексея Хергозерского и Ивана Игнатьева, срок службы которых превысил 35 лет[6]. С. В. Керский в отчете по итогам ревизии также отметил, что принимая во внимание примерно-ревностную и отлично-полезную деятельность, имеется необходимость обратиться к обер-прокурору Святейшего Синода Д. А. Толстому с ходатайством оставить на преподавательском поприще Н. А. Суворова, А. И. Попова, И. Л. Игнатьева и А. Н. Хергозерского до достижения 35 летнего стажа педагогической службы[7].

---

[5] Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867. С. 38.
[6] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 447. Л. 247
[7] РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1869 г. Д. 4. Л. 49.

Труды Николая Суворова продолжил его сын преподаватель всеобщей и русской гражданской истории Иван Николаевич Суворов. И. Н. Суворов обучался с 1870 по 1878 гг. в Вологодской гимназии, по окончании которой поступил в Императорский Петербургский университет, где выслушал полный курс наук по историко-филологическому факультету. По окончании обучения был удостоен звания учителя гимназий и прогимназий с правом преподавания истории, географии, русского языка и словесности. В 1883 году приказом обер-прокурора К. П. Победоносцева был определен преподавателем в Вологодскую семинарию. В 1886 году ревизор Учебного комитета И. К. Зинченко отметил его как трудолюбивого наставника, который своим изложением грамматических ошибок способствует научению воспитанников «искусству писать»[8].

Производивший ревизию семинарии в 1872 году член Учебного Комитета С. И. Миропольский особо отметил труд преподавателя семинарии по классу физико-математических наук Евграфа Ливерьевича Прозоровского, который был охарактеризован как преподаватель «который при отличном знании своего предмета трудился с

[8] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 1146. Л. 4.

замечательным усердием и достиг весьма удовлетворительного успеха»[9]. Имея в виду успехи по службе Е. Л. Прозоровского, обер-прокурор обратился к епископу Феодосию с просьбой сообщить о том, какой награды мог бы быть удостоен преподаватель семинарии.

Во время ревизии 1875 года был особо отмечен преподаватель семинарии А. Н. Хергозерский. «Преподаватель Хергозерский отлично знает свой предмет и всеми ревизорами-членами духовно-учебного комитета был признаваем как один из способнейших и ревностейших преподавателей в духовной семинарии». [10] Он был автором таких трудов как «Исагогика или введение в книги Священного Писания» и «Обозрение пророческих книг», которое было удостоено премии. Ревизор поставил А. Н. Хергозерского в пример всей педагогической корпорации. А. Н. Хергозерский преподавал в семинарии Священное Писание. Образование получил в Олонецкой семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, в которой проявил себя деятельным участием в переводе Библии на русский язык в составе группы протоиерея Герасима Павского. По окончании академии в 1839 году был определен в Вологодскую семинарию преподавателем

[9] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 526. Л. 105.
[10] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 502. Л. 26.

Священного Писания, а с 1841 года еще и немецкого и греческого языков. С 1842 года исполнял должность помощника инспектора семинарии. За ревностную и исправную службу вследствие ревизии получил благодарность от обер-прокурора через окружное академическое правление. В 1868 году награжден орденом святой Анны III степени. После преобразования семинарии по новому уставу был определен преподавателем по классу изъяснения Священного Писания и в этой должности оставался до окончания преподавательской деятельности. Во внимание к особым достоинствам и основательным познаниям в преподаваемой дисциплине вследствие ходатайства епископа Вологодского Павла (Доброхотова) и ревизора С. В. Керского оставлен на службе, по истечении тридцатилетнего срока педагогической деятельности. В 1875 году за продолжительную и безупречную службу пожалован орденом святого Владимира IV степени[11]. Труды А. Н. Хергозерского были высоко оценены ревизорами Учебного комитета С. В. Керским и С. И. Миропольским; последний в отчете писал, что А. Н. Хергозерский пользуется «редким уважением» и имеет положительное влияние на

[11] ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 612. Л. 15-24.

учеников[12]. Ревизор С. И. Лебедев в 1879 году отметил труды А. Н. Хергозерского и священника Иоанна Лебедева: «Во всех обревизованных мною духовных семинариях я не видел преподавателей Священного Писания лучше означенных наставников»[13].

Таким образом, на примере нескольких преподавателей Вологодской семинарии можно установить, что в указанный период в духовной школе трудились достойные наставники, о чем свидетельствовали как учащиеся, так и синодальные чиновники, производившие ревизии семинарии. Несомненно, в рамках одной статьи невозможно дать полную и подробную характеристику взглядов ревизоров на педагогическую корпорацию семинарии, однако изученный материал представляет научный интерес и может быть использован при подготовке полноценного исследования по материалам биографий преподавателей Вологодской духовной семинарии середины XIX века.

---

[12] Алексей Никитич Хергозерский (некролог) // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1891. № 6. С. 87.
[13] РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 56. Л. 15.

Список источников и литературы

1. Алексей Никитич Хергозерский (некролог) // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1891. № 6. С. 87.
2. Журнал собраний и заседаний Правления Вологодской духовной семинарии // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 466. Оп. 1. Д. 447.
3. Именные списки служащих семинарии, представленных к наградам // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 526.
4. Николай Иванович Суворов // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1896. № 12. С. 199-200.
5. О ревизии действительным статским советником Лебедевым в 1879 г. духовно-учебных заведений Вологодской епархии // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 56.
6. Об исходатайствовании Николаю Суворову ордена Св. Владимира I степени за 35-летнюю беспорочную службу при семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 640.
7. По обозрению Вологодской духовной семинарии и духовных училищ // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 1146.
8. По отчету статского советника Керского о произведенной им ревизии духовно-учебных

заведений Вологодской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1869 г. Д. 4.
9. С формулярными списками служащих семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 1732.
10. Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867. 84 с.
11. Формулярные списки преподавателей Вологодской семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 612.
12. Формулярные списки преподавателей семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 981.
13. Формулярные списки преподавательского состава семинарии. Прошения служащих семинарии об исходатайствовании им чинов // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 493.
14. Формулярные списки служащих семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 502.

Загуменнов А.В.
Кандидат филологических наук
Вологодская духовная семинария

Очерк семиосферы пустозерских узников: вводные замечания

Аннотация

Современные геополитические кризисы не способствуют единству, превращая раскол в

некоторое коллективное психическое переживание. Заданные обществом тенденции облекаются в плоть знакового пространства, формируя структуры и коды, характерные для любой раздробленной этнокультурной целостности. В свете наметившихся тенденций экстралингвистического характера обращение к письменному наследию четырех идеологов староверия (Аввакум, Епифаний, Лазарь Федор) является актуальным. Ситуация их текстовой деятельности – это ситуация церковного раскола, требовавшего позиционирования и подчеркивания отличий конфликтующих сторон. Объектом предлагаемого исследования является семиосфера упомянутых ранее авторов, сосланных в конце жизни в город Пустозерск. Предметом нашего изучения выступили языковые средства, в которых реализованы ключевые черты самостоятельного знакового пространства. Целью нашего исследования является описание семиосферы пустозерских узников. Для её достижения статья предполагает решение следующих задач. Во-первых, дать понимание семиосферы в трудах основателя Московско-Тартуской семиотической школы Ю.М. Лотмана. Во-вторых, нам необходимо раскрыть содержание основных признаков семиосферы. В-третьих, экстраполировать эти теоретико-методологические разработки на

тексты как самих пустозерских узников, так и на тексты о них («Деяния Большого Московского собора» 1666-1667 гг.). В ходе нашего исследования мы пришли к следующим результатам. Во-первых, было выявлено, что понятие «семиосфера» до сих пор носит описательный характер и, по сути, не имеет чёткого определения. В статье Ю.М. Лотмана, где рассматривается это понятие, сохраняется размытость формулировок, что не отрицает необходимости самого термина для семиотики как науки о знаковых системах. Во-вторых, выявлено, что к основным чертам семиосферы относятся: отграниченность, неравномерность, дискретность, асимметрия, диахроническая глубина, причем первые две черты являются основными, остальной список содержит второстепенные признаки. Это напрямую отразилось на структуре работы. Только отграниченность и неравномерность выделены в отдельные подпункты в предлагаемой статье, однако как бы фоном присутствуют все черты целиком. В-третьих, эти теоретико-методологические разработки мы экстраполировали на тексты как самих пустозерских узников, так и на тексты о них. Было выявлено, что их семиосфера отвечает тем чертам, которые предлагал выделять Ю.М. Лотман. Отграниченность проявляется с

внешней стороны в виде ярлыка осужденных Большим Московским собором, а со стороны осуждаемых – в демонстрации повсеместности старого обряда у православных народов. Неравномерность задана и по несовпадению тематического содержания сочинений, и по проблемам, поднятым каждым пустозерским узником в отдельности. Отдельно указано на тенденцию к согласованности описания момента казни у Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора. Единство их сочинений достигается на уровне лексико-семантического наполнения синтаксических конструкций, разница же кроется в личностном отношении и участии в произошедшем событии. Выдвигается гипотеза наличия у пустозерских узников псевдоевангельской симфонии (или, в других терминах, диатессарона, гармонии, синопсиса). В заключении подводятся итоги статьи и намечаются перспективы дальнейшего исследования. Методологию работы составили методы реконструкции, контекстного анализа, а также приёмы сравнения и сплошной выборки.

Ключевые слова: текст, знак, семиосфера, семиотика, пустозерские узники, церковный раскол.

An essay on the semiosphere of the pustozersk's prisoners: introductory remarks

Annotation

Modern geopolitical crises do not promote unity, turning a split into some kind of collective mental experience. The trends set by society are clothed in the flesh of a symbolic space, forming structures and codes characteristic of any fragmented ethno-cultural integrity. In the light of emerging trends of an extra linguistic nature, the appeal to the written heritage of four ideologists of the Old Faith (Avvakum, Epiphanius, Lazarus Fedor) is relevant. The situation of their textual activity is a situation of church schism, which required positioning and emphasizing the differences between the conflicting parties. The object of the proposed study is the semiosphere of the previously mentioned authors, exiled at the end of their lives to the city of Pustozersk. The subject of our study was language tools that implement the key features of an independent sign space. The purpose of our study is to describe the semiosphere of the Pustozersk's prisoners. To achieve it, the article assumes the solution of the following tasks. First, we must give an understanding of the semiosphere in the works of Y.M. Lotman. Secondly, we need to reveal the content of the main features of the semiosphere.

Thirdly, we extrapolate these theoretical and methodological developments to the texts of both the Pustozersk prisoners themselves and to texts about them ("Acts of the Great Moscow Cathedral" 1666-1667). In the course of our research, we came to the following results. Firstly, we have revealed that the concept of "semiosphere" is still descriptive and, in fact, does not have a clear definition. The blurring of the formulations in the article by Y.M. Lotman, where he considers this concept, remains. Secondly, we have revealed that the main features of the semiosphere include delineation, unevenness, discreteness, asymmetry, diachronic depth. Delineation and unevenness are the main features; the rest of the list contains secondary features. This directly affected the structure of the work. We have highlighted only the delineation and unevenness in separate sub-paragraphs in the proposed article. We have taken into account the other signs, but they are present as a background in our sub-items of work. Thirdly, we extrapolated these theoretical and methodological developments to the texts of both the Pustozersk prisoners themselves and to texts about them. We have found that their semiosphere corresponds to the features that Y.M. Lotman proposed to highlight. From the outside, limitation exists in the form of a label condemned by the Great Moscow Cathedral, and from the side of the condemned, it manifests itself in demonstrating the

ubiquity of the old rite among Orthodox peoples. Unevenness exists both as a mismatch of the thematic content of the essays and as a mismatch of the problems discussed. Separately, we pointed out the tendency for consistency in the description of the moment of execution in Avvakum, Epiphanius, Lazarus and Fedor. The unity of their works exists at the level of lexical and semantic content of syntactic constructions. The difference between their writings is in their personal attitude and participation in the event that took place. We hypothesize that the Pustozersk prisoners have a pseudo-gospel symphony (or, in other terms, a diatessaron, harmony, synopsis). In conclusion, we summarize the results of the article and outline the prospects for further research. The methodology of the work includes methods of reconstruction, contextual analysis, as well as methods of comparison and continuous sampling.

Key words: text, sign, semiosphere, semiotics, empty prisoners, church schism.

Введение

В разработках Московско-Тартуской семиотической школы понятие семиосферы изначально представляло собой метафору: любая знаковая система обволакивает человека так же, как биосфера обволакивает неживое

вещество. Впоследствии Ю.М. Лотман опубликует статью со значительным уточнением собственных теоретико-методологических координат. В своей работе он напишет: «…пространство семиосферы имеет абстрактный характер. Это … не означает, что понятие пространства употребляется здесь в метафорическом смысле».[1] Знаковые системы разного функционального статуса, накладываясь друг на друга и формируя диффузные семантические зоны, оказываются онтологией, бытием и тем сущим, что живёт внутри и вне рациональной деятельности человека. Примечательно, что в упомянутой статье сам Ю.М. Лотман не даёт определения ключевого для его статьи понятия. Всё изложение представляет собой описательное очерчивание некоторых контуров возможной интерпретации подразумеваемого содержания.[2] Мы в свою очередь считаем понятие «семиосферы»

---

[1] Лотман Ю.М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Труды по знаковым системам XVII. – Тарту, 1984. – С. 5-23.

[2] То, что описательность определения не является самим определением, доказывают ряд публикаций по теме: Зайнетдинова Р. А. Проблема семиосферы Ю.М. Лотмана // Рациональное и иррациональное в русской философии и культуре: прошлое и современность : Материалы всероссийской научной заочной конференции. – Барнаул : Алтайская государственная педагогическая академия, 2003. – С. 85-90.; Сухова Ж. В. Культура как семиотический феномен. Понятие семиосферы // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 6-2(89). – С. 206-207.

удачным, однако до сих пор в малой степени разработанным.

Из работы Ю.М. Лотмана нам точно известно о двух основных признаках семиосферы (отграниченность, неравномерность) и о ряде побочных (структурная неоднородность, дискретность, асимметрия, диахроническая глубина и так далее). В предлагаемой нами статье мы используем всё вышеперечисленное как ориентиры для очерка пространства знаковых систем; пространства, оформленного языком и текстами «пустозерских узников».[3] К числу последних относятся: протопоп Аввакум, инок Епифаний, поп Лазарь и диакон Федор, т.е. все те идеологи староверия, которые были осуждены на Большом Московском соборе 1666-1667 гг. и сосланы в Пустозерск. Оговорим, что всё дальнейшее изложение – очерк,

[3] В филологических науках данный термин является официальным и встречается в целом корпусе работ по истории церковного раскола, например: Рыков Ю. Д. Новоприобретенный нижегородский сборник с сочинениями пустозерских узников (Из поступлений 1999 г. в отдел рукописей РГБ) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – С. 81-91.; Кортава Т. В. Язык и стиль произведений пустозерских узников // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 4. – С. 34-46; Титова Л. В. Дьякон Федор - автор идеологических сочинений пустозерских писателей // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27, № 3. – С. 38-42.

предварительные выводы из комплексного наблюдения над лингвистическим материалом.

1. Отграниченность семиосферы пустозерских узников

По мысли Ю.М. Лотмана, «понятие семиосферы связано с определенной семиотической однородностью и индивидуальностью».[4] Для пустозерских узников отграничение как формирование границы реализовывалось в двух направлениях.

1.1. Из внешнего пространства к их внутреннему кругу. Уже к 1667 году определился ряд имён, который перечислялся в официальных документах того времени практически друг за другом. В этом отношении показательно «Изложенiе дѣла объ Аввакумѣ, Лазарѣ, Епифанiѣ, Ѳедорѣ и подъякѣ Ѳедорѣ»[5]. Данный тип отграничения является «внешним», однако сформирован он как результат интерпретации текстов.

1.2. От внутреннего круга к внешнему пространству. Федор Иванов в письме к Собору 1666-1667 гг. пишет, что «также и болгары

---

[4] Лотман Ю.М. О семиосфере. С. 7

[5] Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. - М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1876. Т.2. С. 26.

держатъ символъ (Символ Веры – прим. А.З.), и волохи[6], и мултяны[7] и моравы[8]: всѣхъ сихъ земель людіе преже насъ христіаны, и книги преже имъ преведошася со греческаго языка».[9] Замечание это интересно по многим причинам. Во-первых, автор послания показывает «массовость» сторонников «древлего благочестия» и что осуждающий их Большой Московский собор – меньшинство. Во-вторых, это косвенное утверждение последовательности собственного вероисповедания и непоследовательности исправлений в богослужебных книгах у сторонников патриарха Никона: «смотримъ же: самъ съ собою не согласенъ Никонъ».[10]

---

[6] Волохи, они же влахи и валахи. На момент написание Федором Ивановым своего письма подразумевается православное население Валашского княжества (сегодня – территория Румынии). В XVII веке церковнославянский язык являлся официальным языком церкви и делопроизводства. По этой причине для диакона Федора (и участников Большого Московского собора) не составляло сложности перепроверить изложенные в письме факты.

[7] Мултяны, они же – молдаване.

[8] Моравы или Мораване – западнославянская этническая общность, принявшая во второй половине IX века христианство. Неизвестно, к каким именно книгам здесь апеллирует диакон Федор, поскольку моравско-чешский извод церковнославянского языка фактически прекратил своё существование в конце XI века.

[9] Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. - М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1881. Т.6. С. 8.

[10] Материалы для истории. Т.6. С. 9.

Эти два вектора отграничения в итоге формируют Пустозерск не только как географическое, но и как семиотическое пространство. Идеологи староверия сосланы в Пустозерск, там же будут казнены (единство пространства-времени). Все, осужденные Большим Московским собором, являлись крещенными в Русской Православной Церкви (единство по исповеданию), а также противниками проводимых реформ (единство по идеологии). Из всего этого следует, что, как минимум, один признак наличия своей семиосферы – отграниченность – у данного коллектива авторов был.

2. Неравномерность семиосферы пустозерских узников

По мысли Ю.М. Лотмана, «в реальности иерархия языков и текстов, как правило, нарушается: они сталкиваются как находящиеся на одном уровне»[11]. Неоднородность семиосферы пустозерских узников фиксируется с двух позиций.

2.1. Позиция внешнего интерпретатора. В уже упоминавшемся «Изложении дела об Аввакуме, Лазаре, Епифание Федоре…»[12]

[11] Лотман Ю.М. О семиосфере. С. 12
[12] Материалы для истории. Т.2. С. 26.

содержится своего рода ревизия тематик сочинений всех перечисленных лиц. Для удобства сравнения мы приведем только совпадающие данные «пустозерских узников» в табличной форме ниже.

Автор	Аввакум	Лазарь	Епифаний	Фёдор
Содержание сочинений	1. о Сvмволе,	1 и о Символе православные вѣры,	1. и Символъ православныя вѣры,	1. о Символѣ православные вѣры,
	2. и о сложенiи перстовъ в крестномъ воображенiи	2. и о воображенi и треми персты креста	2. и о сложенiи трехъ первых перстов в крестном воображенiи	2. и о сложенiи перстовъ крестного знамения
	3. и о прочихъ церковныхъ чинѣхъ, что въ новоисправныхъ печатныхъ книгахъ напечатано неправо	3. и о трегубомъ аллилуiи	3. и о трегубой аллилуи	3. и о трегубой аллилуiи
	4. на справщиковъ и на священниковъ церквей московскихъ, что де они	4. и о иных новопечатныхъ справленыхъ книгах	4. -	4. писалъ и із устъ народъ уча, яко в новопечатныхъ книгах

	пожирають стадо христово злымъ ученіемъ			
	5. понеже не вѣрують во Христа вочеловѣчьшася, и еще же исповѣдають и невоскресша	5 -	5 -	5-6. и о иныхъ церковныхъ догматѣхъ напечатано не право
	6. и царя несовершенна на небеси со Отцемъ быти, и Духа Святаго неистинна глаголютъ быти	6 -	6 -	

Табл.1. Совпадающие пункты обвинения в адрес «пустозерских узников»[13]

Действительно, лексический состав обвинений позволяет достичь «однородности» – символъ православныя вѣры, новопечатныхъ книгах, о трегубой аллилуіи и т.д. Более того, в обозначенных координатах особый интерес вызывает указание «стороны обвинения» на единство мышления, как минимум, двух подсудимых: «Лазарь и единомысленникъ ево

[13] Материалы для истории. Т.2. С. 26-30.

проклятый Аввакумъ»[14]. Однако «неравномерность» выражена в тематических доминантах (пустые/заполненные клетки), которые выявил Большой Московский собор.

2.2. Позиция внутреннего интерпретатора. Нарушение иерархии языков и текстов известно по самому изученному памятнику среди всего письменного наследия пустозерских узников - «Житию…» протопопа Аввакума.[15] Впрочем, неоднородность характерна не только для языка произведений очерченных авторов, но и для проблем, которые ими поднимаются. В частности, насколько нам известно, только Федор Иванов прямо указывает на пережитки языческого мировоззрения в XVII столетии. «И мнози, мнози, видимъ (государь), поселяне, отъ неслышанія слова Божія, живучи по селамъ своимъ, покланяются солнцу, гдѣ съ ними не лучится образа, иконы Христовы и

---

[14] Материалы для истории. Т.2. С. 29.

[15] Ефанова Л. П. Уникальность синтаксической организации "Жития протопопа Аввакума" // Textus. – 1997. – № 2. – С. 141-150; Валентинова О. И. "Житие протопопа Аввакума": история русского средневекового литературного языка сквозь призму жанра жития : курс для филологов-магистров. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2012. – 163 с.; Юрова А. В. Лексический состав "Жития" протопопа Аввакума как отражение процесса разрушения книжно-славянского типа литературного языка // СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ науки : сборник статей II международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 12 марта 2020 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 289-293.

креста его, и лошадямъ покланяются, и нетокмо простiи, но и наша братiя, попы бѣдныя и дiаконы, тако творятъ, прелщающеся, невѣдуще писанiя божественнаго, ни силы въ нихъ».[16] Весь этот пассаж был направлен против мнения о тотальной учёно-богословской просвещенности Московского государства, против уверенности в корректности всех вносимых патриархом Никоном исправлений. Тем не менее на уровне семиотики это ярчайший пример неоднородности семиосферы. Автор является священником, пишет по проблеме изменений в тексте богослужебных книг, но в качестве аргумента приводит сведения о язычестве, как бы выходя за пределы институционального дискурса, иначе – обсуждения внутри церкви дел самой церкви.

3. Псевдоевангельская симфония пустозерских узников

Следствием диалектического взаимодействия жесткого отграничения и размытой неоднородности семиосферы коллектива является дискретность фактического описания, прецедентом которой являются Евангелия. С одной стороны, общеизвестны попытки согласовать событийные ряды всех

[16] Материалы для истории раскола. Т.6. С. 29.

первых четырех книг Нового Завета. «Диатессароны», «гармонии», «синопсисы» – череда названий попыток получить логичную и завершённую картину повествования о жизни Иисуса Христа в виде единого и законченного произведения. С другой стороны, и сами пустозерские узники чувствовали себя пророками последних дней, но гонимых, как в древней церкви гнали мучеников за веру.[17] Вероятно, в этой точке и происходит пересечение всех пластов знаковых систем, известных Аввакуму, Епифанию, Лазарю и Федору. Исподволь они формируют – пусть и дискретную – «симфонию» по своим злоключениям, что можно отобразить в следующей таблице (табл. 2).

[17] Бахтина О. Н. Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова / О.Н. Бахтина; Том. гос. ун-т. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 260 с.; Маматов Г. М. Элементы жития-романа в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанного»: жанр, сюжетно-мотивная структура, символика // Протопоп Аввакум и его наследие в истории и современности. К 400-летию со дня рождения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (15 декабря 2020 года). – Великий Новгород : [б.и.], 2021. – С. 115-125.

Аввакум	Епифаний	Фёдор	Лазарь
«Таже братию — Лазаря и старца — казня, вырѣзавъ языки, а меня и Никифора-протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье»[18].	«И ухватили нас, с(вя)щенника Лазаря и меня, под руки и помчали скоро-скоро и зѣло нем(и)л(о)стив о и безбожно. И примчали на Болото. И посадя нас на плаху, и отрѣзаша нам языки, и паки ухватиша насъ, яко звѣрие лютии, лютии, суровии, и помчаша нас також скоро-скоро»[19].	«Лазарю и Епифанію, повелѣ царь богословныя ихъ языки отрѣзати. И егда священнику Лазарю языкъ отрѣзаша по самыя вилки и другому такожде весь языкъ отрѣзаша: и во время страсти ихъ является священномученик у Лазарю Божій пророкъ Илія и глаголетъ ему: дерзай, священниче, и о истинѣ свидетельствуй, небояся. И тогда онъ отъемъ руку свою отъ устъ, и кровь вылилъ на землю, и начать глаголати къ людемъ слово Божіе и рукою благословляти народъ»[20].	«…по ихъ властелинской облыжкѣ принялъ я казнь, немилостивно языкъ клещами вытянули и обрѣзали, закона ради отецъ твоихъ: и ихъ молитвами ми Сынъ Божій ясно глаголати, по явленію святаго и великаго пророка Иліи Фезвитянина»[21].

Табл. 2. Общее повествование о казни в Пустозерске

[18] Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Ленинград: Наука, 1975. С. 56
[19] Пустозерский сборник. С. 124
[20] Материалы для истории раскола. Т.6. С. 46-47.
[21] Материалы для истории раскола. Т.4. С. 265-266.

«Симфоничность» достигается за счет лексико-семантического наполнения приведенных фрагментов. У Аввакума – *вырѣзавъ языки*, у Епифания – *и отрѣзаша нам языки*, у Федора – *Лазарю языкъ отрѣзаша*, у Лазаря – *принялъ я казнь, немилостивно языкъ клещами вытянули и обрѣзали*. Дополнительные уточнения, черпаемые из содержания синтаксических конструкций, показывают персональное переживание этой ситуации. У Аввакума – *не казня, сослали нас в Пустозерье* – нет ни радости по поводу «помилования», ни гордости за такое «милосердие царя». В дальнейшем Аввакум не раз будет сетовать в своих сочинениях о сравнительно легкой участи. Однако то, что у протопопа дано как «сослали нас в Пустозерье», у Епифания выражено иначе: *и паки ухватиша насъ, яко звѣрие лютии, лютии, суровии, и помчаша нас також скоро-скоро*. Это не абстрактная ссылка, это – *с-гон* на поселение без капли сострадания к их состоянию. Федор и Лазарь неохотно распространяются о самом пути после казни.

Заключение

Проведенный нами очерк семиосферы пустозерских узников – первый шаг к полноценному изучению знаковых систем

русского церковного раскола второй половины XVII века. Основная сложность – малая изученность языка сочинений протопопа Аввакума, инока Епифания, попа Лазаря и диакона Федора. Подчеркнем: речь идёт не о проработанном в деталях исследовании одного сочинения кого-либо из перечисленных, а о комплексном сопоставительном анализе с последующим моделированием ключевых структур личностного содержания.

Было обосновано, что знаковое пространство, оформленное текстами пустозерских узников (и текстами о них самих), соответствует чертам семиосферы. Оно отграничено, как со стороны внешнего пространства, так и позицией самих авторов. Семиосфера также является неравномерной и по тематикам, воспринимаемых современниками, и по проблематикам, охватываемым каждым из четырех пустозерских узников. Наконец, дискретность, диахроническая глубина их знакового пространства выражается в стремлении создать синопсис, «симфонию», подобно евангельским, о мучениях и чудесах, произошедших с ними, гонимыми за веру во Христа.

В перспективе дальнейшего исследования стоит решение серьёзной с точки зрения наших теоретико-методологических координат

проблемы, а именно: посредством изучения первичной моделирующей системы выйти к носителю языка как виду семиотической личности. Заданный ракурс проблемы требует балансирования между диалектикой с её категориями (тождество и различие, движение и покой) и филологической герменевтикой. Последняя из названных дисциплин потребует от исследователя классификации сочинений пустозерских узников по способу ориентации на конкретный тип понимания читателя XVII века.

Список источников и литературы

1. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита : [т. 1-9] / под ред. Н. Субботина. - Москва : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875-[1895]
2. Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Ленинград: Наука, 1975. – 263 с.
3. Бахтина О. Н. Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова / О.Н. Бахтина; Том. гос. ун-т. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 260 с.
4. Валентинова О. И. "Житие протопопа Аввакума": история русского средневекового литературного языка сквозь призму жанра жития

: курс для филологов-магистров. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2012. – 163 с.
5. Ефанова Л. П. Уникальность синтаксической организации "Жития протопопа Аввакума" // Textus. – 1997. – № 2. – С. 141-150
6. Кортава Т. В. Язык и стиль произведений пустозерских узников // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 4. – С. 34-46
7. Лотман Ю.М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Труды по знаковым системам XVII. – Тарту, 1984. – С. 5-23.
8. Зайнетдинова Р. А. Проблема семиосферы Ю.М. Лотмана // Рациональное и иррациональное в русской философии и культуре: прошлое и современность : Материалы всероссийской научной заочной конференции. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2003. – С. 85-90.
9. Маматов Г. М. Элементы жития-романа в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанного»: жанр, сюжетно-мотивная структура, символика // Протопоп Аввакум и его наследие в истории и современности. К 400-летию со дня рождения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (15

декабря 2020 года). – Великий Новгород : [б.и.], 2021. – С. 115-125
10. Рыков Ю. Д. Новоприобретенный нижегородский сборник с сочинениями пустозерских узников (Из поступлений 1999 г. в отдел рукописей РГБ) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – С. 81-91.;
11. Сухова Ж. В. Культура как семиотический феномен. Понятие семиосферы // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 6-2(89). – С. 206-207.
12. Титова Л. В. Дьякон Федор - автор идеологических сочинений пустозерских писателей // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27, № 3. – С. 38-42.
13. Юрова А. В. Лексический состав "Жития" протопопа Аввакума как отражение процесса разрушения книжно-славянского типа литературного языка // СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ науки : сборник статей II международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 12 марта 2020 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 289-293.

Вестник Вологодской духовной семинарии.
2023 №1 (3).
Научное издание

Выходит 4 раза в год.
Учредитель журнала «Вестник Вологодской духовной семинарии» - Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви.
Учредителем религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви является Централизованная религиозная организация Вологодская епархия Русской Православной Церкви.
Главный редактор – митрополит Вологодский и Кирилловский Савва (Михеев А. Е.)
Журнал «Вестник Вологодской духовной семинарии» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации, регистрационный номер серия ПИ № ФС77-80495 от 15 марта 2021 г.
Журнал включен в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории, доктора церковного права, доктора церковного искусства и кандидата богословия
МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ:
Контакты редакции: 160901 г. Вологда ул. Монастырская дом 2.
Телефон: +7 8172559217, +79052982093
Email: vologdakonf@yandex.ru
Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Подписано в печать 25.12.2023
Дата выхода СМИ в свет: 28.12.2023
Тираж 300 экземпляров
Цена свободная
Адрес издателя: 160901 г. Вологда
ул. Монастырская дом 2.
Телефон: +7 8172559217, +79052982093
Email: vologdakonf@yandex.ru
Отпечатано в издательстве «Арника» г. Вологда ул.
Челюскинцев 32.
Телефон +7 8172 72-11-18

УДК 27-1(051)
ББК 86.37
В38

Вестник Вологодской духовной семинарии. – Вологда, 2023. - №1(3). – 77 с.
В журнале публикуются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем современного гуманитарного знания в области теологии (богословия), философии, истории, религиоведения и филологии.
ПИ № ФС77-80495 от 15 марта 2021 г